

Любите детективные приключения Даши Васильевой?

Крутые наследники	♡
За всеми зайцами	♡
Дама с коготками	♡
Дантисты тоже плачут	♡
Эта горькая сладкая месть	♡
Жена моего мужа	♡
Несекретные материалы	♡
Контрольный поцелуй	♡
Бассейн с крокодилами	♡
Спят усталые игрушки	♡
Вынос дела	♡
Хобби гадкого утенка	♡
Домик тетушки лжи	♡
Привидение в кроссовках	♡
Улыбка 45-го калибра	♡
Бенефис мартовской кошки	♡
Полет над гнездом Индюшки	♡
Уха из золотой рыбки	♡
Жаба с кошельком	♡
Гарпия с пропеллером	♡
Доллары царя Гороха	♡
Камин для Снегурочки	♡
Экстрим на сером волке	♡
Стилист для снежного человека	♡
Компот из запретного плода	♡
Небо в рублях	♡
Досье на Крошку Че	♡
Ромео с большой дороги	♡
Лягушка Баскервилей	♡
Личное дело Женщины-кошки	♡
Метро до Африки	♡
Фейсконтроль на главную роль	♡
Третий глаз-алмаз	♡
Легенда о трех мартышках	♡

Проверьте, какие книги вы еще не читали:

Темное прошлое Конька-Горбунка
Клетчатая зебра
Белый конь на принце
Любовница египетской мумии
Лебединое озеро Ихтиандра
Тормоза для блудного мужа
Мыльная сказка Шахерезады
Гений страшной красоты
Шесть соток для Робинзона
Пальцы китайским веером
Медовое путешествие втроем
Приват-танец мисс Марпл
Самовар с шампанским
Аполлон на миллион
Сон дядюшки Фрейда
Штамп на сердце женщины-вамп
Свидание под мантией
Другая жизнь оборотня
Ночной клуб на Лысой горе
Родословная до седьмого колена
Последняя гастроль госпожи Удачи
Дневник пакостей Снежинки
Годовой абонемент на тот свет
Змеиный гаджет
Царевич с плохим резюме
Пиявка голубых кровей
Темные предки светлой детки
Мокрое дело водяного
Вакантное место райской птички
Аллергия на кота Базилио
Коза и семеро волчат
Кактус второй свежести
Плохая репутация Курочки Рябы
Ананас на ёлке
Слон для Дюймовочки
Ступа с навигатором
Блоха на балу

Дарья Донцова

ДОМИК ТЕТУШКИ
ЛЖИ
роман

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д67

Художественное оформление серии *В. Щербакова*

Иллюстрация на переплете *В. Остапенко*

Донцова, Дарья Аркадьевна.

Д67 Домик тетушки лжи / Дарья Донцова. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с. — (Иронический детектив).

ISBN 978-5-04-216232-9

Воистину жизнь полна чудес! Особенно у любительницы частного сыска Даши Васильевой. Погоревав о внезапной смерти Поли, дочери своей подруги, Даша явилась в морг, забрать тело. А там ей сообщили, что девушка... ожила. Оказывается, она просто была в коматозном состоянии. И смех, и слезы! Теперь в Дашином загородном доме появился невостребованный гроб, в котором... спит питбуль. А потом случилось ужасное — Поля все-таки погибла, не справившись с управлением чужой машины. И Даша сразу же начинает поиски убийцы, ведь до этого в девушку стреляли, а в ее машине взорвалась сокурсница. Но милиция считает все случившееся простым совпадением...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Донцова Д.А., 2025

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-216232-9

ГЛАВА 1

Труп не может уйти из морга на своих ногах. Свое последнее земное пристанище тело покидает в гробу на каталке, которую толкает с равнодушным лицом санитар. Но тому, что еще недавно было человеком, уже все равно, эмоции остались за чертой. Совершенно напрасно большинство людей до дрожи боится покойников. Мертвые никому не способны причинить зла, и, если подумать, опасаться следует живых. Но вот парадокс, мы знаем ведь, что усопший не нанесет нам вреда, и тем не менее не хотим оставаться с ним наедине в комнате.

Но Петя Ромов совершенно спокойно чувствовал себя в помещении около трупа. Собственно говоря, ничего сверхъестественного в данном факте не было. Петька учился на четвертом курсе медицинского института, собирался стать патологоанатомом, получал крохотную стипендию, имел дома мать-инвалида и подрабатывал в морге санитаром. Службой он был доволен. Во-первых, набирался опыта, стоя возле старенького Семена Дементьевича, лучшего в столице «доктора мертвых», во-вторых, получал зарплату, которая хоть и была отвратительно маленькой, но все же в несколько раз превышала стипендию, а в-третьих, родственники усопших постоянно совали ему в карман деньги и просили:

— Причешите, пожалуйста.

Или:

— Ты уж там поусердствуй, чтобы он (труп) прилично выглядел.

Петька старался. Накладывал грим, сооружал прически. Стариков ему не было жаль, что ж, отжили свое, пора и на покой, а вот при виде молодых людей, оказавшихся на оцинкованном столе, неприятно сжималось сердце. Словно ему кто-то напоминал: ты, Петька, тоже, того, можешь тапки отбросить...

Морг больницы имени Савинова, где служил Ромов, был старым, давно не отремонтированным зданием с изношенным оборудованием. Клиника создавалась еще во времена Николая II, и Петька подозревал, что ее за почти сто лет существования ни разу не ремонтировали. В морге не было всяких новомодных штук типа шкафов-рефрижераторов, где каждое тело лежит на отдельной полке или в индивидуальном ящике. Нет, тут просто имелась «холодильная камера», примерно двадцатиметровое помещение, в котором поддерживалась минусовая температура. Трупы незатейливо лежали на каталках или на сооружении, больше всего напоминавшем нары.

1 декабря Петька дежурил ночью. Где-то около двух ему захотелось перекусить. Ромов потянулся, захлопнул учебник по патоанатомии и побрел в другой конец коридора. Там имелось нечто вроде кухоньки. Мойка, крохотный, развалившийся от старости холодильничек «Саратов» и электрический чайник, отнюдь не «Тефаль», а жуткий агрегат, никелированный монстр с носиком, произведенный еще в советские времена. Грелся он долго. Петька, собиравшийся развести кипяточком «Обед за пять минут», терпеливо ждал, пока появится пар. Потом он не спеша съел лапшу в томатном соусе, выпил два стакана почти черного чая с сахаром, слопал булочку с маком и почувствовал в себе силы вновь углубиться в учебник.

Страхнув с клеенки крошки, Петька пошел назад в комнату, где полагалось сидеть дежурному. Путь лежал мимо трупохранилища. Поравнявшись с толстой дверью, Петька увидел, что она приоткрыта. Ничего странного в этом факте он не усмотрел. «Холодильную камеру» не запирали, да и к чему? Упереть оттуда было решительно нечего, просто притворяли створку, и все. Впрочем, и замок в двери давно сломался, главврач, которому Семен Дементьевич принес заявление с просьбой о новом запоре, отмахнулся:

— Купим чуть позже, там вообще пора дверь целиком менять.

Это было правдой, створку перекосило, между ней и косяком образовались щели... Впрочем, менять в морге следовало все, начиная от столов и заканчивая линолеумом.

Петька помнил, что, когда он шел на кухню, камера была плотно закрыта, но проклятушая дверь то и дело приоткрывалась... Ромов со вздохом доплелся до хранилища и, прежде чем толкнуть надоевшую дверь, глянул внутрь.

Увиденное заставило его удивиться. В камере сегодня находилось три трупа. Два спустили из терапевтического отделения. Это были бабульки, мирно скончавшиеся в результате проведенного лечения. Третий привезли из приемного покоя. Молодая, красивая девушка умерла по непонятной причине и ждала очереди на вскрытие. Девчонка оказалась красавицей, и Петьке было ее дико жаль. Роскошная фигура, чудесные белокурые волосы, изящные руки, тело почти без всяких изъянов, просто победительница конкурса красоты, и скончалась. До больницы донести успели, а поднять в отделение интенсивной терапии уже нет.

Но сейчас на полке остались только бабки, девица исчезла. Петька вошел внутрь камеры и уставился

на клиенток. Бабульки мирно лежали, запрокинув головы, с ног свисали резиновые бирки. Ромов машинально прочитал: «Анна Константиновна Федотова, 1920 года рождения» и «Ольга Семеновна Поторова, 1926 года рождения». Окончательно растерявшись, Петька начал совершать совсем уж глупые действия. Сначала наклонился и посмотрел под полки, потом заглянул за шкаф. Труп девушки не было нигде.

В полном недоумении студент дошел до дежурки и устался на телефон. Может, позвонить Семену Дементьевичу домой? Первый раз Ромову стало не по себе в морге.

Вдруг от двери послышался легкий шорох. Петька, стоявший ко входу спиной, резко повернулся и почувствовал, как земля начинает качаться под ногами, обутыми в дешевые корейские кроссовки.

На пороге маячила мертвая девица. Ее голубые огромные глаза смотрели прямо на перепуганного санитаря, белокурые волосы, спутанные и грязные, висели неопрятными прядями вокруг бледного лица.

Секунду труп смотрел на Петьку, потом вытянул вперед дрожащие руки и просипел:

— Помоги...

Конца фразы бедный студент не услышал, впервые в жизни лишаясь чувств, он успел вяло подумать: «Мама права, надо было идти учиться на химика».

Резкий звонок разбудил меня в половине седьмого. Будучи праздною, неработающей дамой, я никогда не встаю в такую рань. Мой день начинается в десять. Впрочем, так было не всегда. Долгие годы я, Даша Васильева, нищая преподавательница французского языка, имеющая двух детей при полном отсутствии мужа, вскакивала в то время, когда вылезают из кровати водители общественного транспорта. Ут-

ром, до ухода на работу, предстояло проделать много дел: почистить картошку на ужин, погладить белье, включить стиральную машину. Подавляющее большинство женщин занимается всем этим вечером, прибежав со службы. Но мой оклад по тем далеким временам составлял девяносто рублей «грязными», алиментов я не получала, поэтому, отбарабанив положенные часы, неслась либо к частным ученикам, либо на другие подработки... Дома оказывалась около одиннадцати и падала в кровать, чувствуя, что язык перестал меня слушаться. Руки, ноги еще кое-как повиновались, но вот мускульный орган, которым я безостановочно болтала на протяжении двенадцати часов, гудел так, как ступни у балерины, отплясавшей четыре новогодних представления подряд. И еще сводило щеки. Я считаю, что преподавательница обязана быть в хорошем настроении и улыбаться своим ученикам, поэтому к вечеру щеки немели так же, как и язык, и я ехала в метро домой, продолжая по-идиотски ухмыляться. Сами понимаете, что вечером я была способна только на одно: шлепнуться в кровать, даже не помывшись. Поэтому все домашние дела сдвигались на утро, и будильник звенел над ухом ровно в пять. Если я что и ненавидела, так это настойчивое пиканье, издаваемое часами, — бип-бип-бип... Кто встает каждый день на работу, тот поймет. Поэтому, превратившись неожиданно в богатую даму, я первым делом вышвырнула из своей комнаты все предметы, способные звенеть по утрам. Будильники стоят в спальне у моего сына Аркадия и его жены Ольги, у Машки, моей дочери, его нет, хотя ей следует подниматься по утрам в школу. Но ставить к Манюне на тумбочку оружие часы абсолютно бессмысленная затея, девочка все равно не услышит сигнала. Нашу школьницу будит домработница Ира. Я, наверное, отвратительная мать, но

каждый раз, слыша, как Ирка топает по коридору в Манюнину спальню, а потом мерно вскрикивает с первого этажа через равные промежутки времени: «Маня, вставай! Маруся, опоздаешь! Манюня, сейчас автобус придет!» — поглубже зарываюсь в подушку и мысленно благодарю дедушку Макмайера, заработавшего состояние. Если бы барон Макмайер не разбогател, если бы моя лучшая подруга Наташка не вышла замуж за его правнука, то мне пришлось бы самой спихивать Маруську с койки.

С Наташкой мы жили вместе много лет. Большинство друзей считают нас родственницами, а кое-кто держит за сестер. И хоть это не так, узы, связавшие нас, намного крепче родственных.

Неизвестно, как бы мы перебивались сейчас, но в девяностых годах Наталья ухитрилась выскочить замуж за чудовищно богатого француза Жана Макмайера.

Дальнейшие события очень напоминали перепев известной сказки про Золушку. Жан обладал огромным состоянием и не имел никаких родственников, ни прямых, ни кривых, поэтому после его смерти все богатство досталось Наташке, мне и детям.

Вот откуда у нас два дома, один в пригороде Парижа, другой в подмосковном местечке Ложкино, счет в банке и прочие радости жизни, и нам не надо считать не только рубли, но и тысячи.

Впрочем, мне не хочется, чтобы вы полагали, будто мы — те, кого называют «новыми русскими». Обладание большими деньгами не слишком изменило наши привычки, в доме все по-прежнему трудятся. Аркадий служит адвокатом, Ольга, или, как мы зовем ее, Зайка, работает на телевидении, ведет программу «Мир спорта», Маруська учится, Наташка неожиданно для всех превратилась в писательницу, ваяющую на французском языке отвратительно сладкие, но бешено популярные любовные романы.

Ничем не занимаются в нашей семье только три личности: мои внуки, Анька и Ванька, которым по малолетству не положено еще даже ходить в детский сад, и я. Мне решительно нечего делать. Преподавательская деятельность надоела до зубной боли, а ничего другого я просто не умею делать. Можно было бы заняться домашним хозяйством, но у нас есть домработница Ира и кухарка Катерина, а к внукам меня не подпускает няня Серафима Ивановна.

Поэтому мои дни протекают в ничегонеделанье, и я наконец-то получила возможность спокойно читать детективы и вставать в десять.

Но сегодня пришлось, взяв у Катерины будильник, вскакивать в несусветную рань. Сказать, что мне не хотелось этого делать, это не сказать ничего, и дело даже не в том, что пришлось вставать ни свет ни заря. Мне предстоял жуткий, ужасный день.

Я сползла на первый этаж и, клацая зубами от недосыпа, включила на кухне чайник. Заспанная Ирка появилась на пороге.

— Дарья Ивановна, идите в столовую, сейчас подам завтрак.

— Что ты, — замахала я руками, — о какой еде может идти речь в такую рань, я просто кофе глотну, а вы лучше приготовьте все в гостиной.

— Когда похороны? — спросила Ирка, зябко пожевываясь.

Я тоже вздохнула:

— В восемь нас ждут в морге с вещами, в десять выезжаем, кремирование в двенадцать. Думаю, к двум вернемся, так что накрывайте к этому времени.

— Не люблю поминки, — дернулась Ира.

А кто их обожает? Но надо же проводить человека в последний путь как положено, с блинами, кутьей и водкой...

— Ужасно, — не успокаивалась домработница, — такая молодая, здоровая, и бац, нету...

Я расстроено нахмурилась. Да, все верно, к сожалению, нам придется сегодня хоронить Полину Железнову, дочь мой близкой подруги. С Ниной Железновой мы вместе учились в институте, а Поля младше моего Аркашки на пару лет, ей в декабре этого года должно было исполниться только двадцать четыре. И вот, пожалуйста, не дожила двух недель до дня рождения! Я так и не знаю, что с ней произошло. Позавчера около десяти часов вечера Поля позвонила мне на мобильный и прохрипела жутким голосом: — Даша, умираю...

Я понеслась к ней и застала девушку в бессознательном состоянии на полу, возле двери в кухню, рядом валялась телефонная трубка, из которой неслись короткие гудки, последним набранным номером был «03». Очевидно, Полина сначала позвонила мне, а потом попыталась вызвать врачей... Я моментально повторила вызов.

Приехавшие медики мигом погрузили несчастную в автомобиль и увезли. Когда я примчалась следом, мне сообщили, что Полина умерла от неустановленной причины. Самое ужасное, что мне не удалось донести жуткую новость до ее матери. Три года тому назад Нинушка, блестящая переводчица, свободно говорящая на трех иностранных языках, выскочила замуж за Теда Смита, американца, проживающего в провинциальном городке возле Лос-Анджелеса. Тед вполне обеспеченный человек, владелец местной газеты и радиостанции, Нинку он обожает, и Железнова живет теперь в Штатах.

Полина не поехала с матерью, ей предстояло получить в этом году диплом. Полечка просто проводила в США все лето.

Услыхав о жутком происшествии, я мигом кинулась звонить Нинушке, но телефон в ее доме вещал радостным тоном на русском и английском языках: «Привет, мы уехали отдыхать, чего и вам желаем. Если

хотите, оставьте свое сообщение, если нет, тогда перезвоните после пятнадцатого декабря. Чао!»

И вот теперь мне предстояло хоронить Полину. Продолжая трястись от холода, я влезла в машину, включила печку на полную мощность и поехала в Москву. Наше Ложкино расположено всего в нескольких километрах от Кольцевой магистрали, но воздух тут не в пример лучше столичного.

Припарковавшись возле малопрезентабельного здания, ободранного и покосившегося, я вошла внутрь и нажала на звонок, красовавшийся возле двери с табличкой «Категорически запрещен вход родственникам. Только для персонала».

Высунулся мордастый парень в не слишком чистом белом халате.

— Ну? — спросил он.

— Здесь вещи, — сказала я, протягивая чемоданчик.

— Чьи?

— Железновой Полины, — ответила я, ожидая услышать что-нибудь типа: «Давайте» или «Хорошо».

Но парень повел себя загадочно. Он мигом выскочил из-за двери и ласково сказал:

— А вам не сюда.

— Почему? — удивилась я. — В прошлый раз мужчина, такой полный, велел прибыть сюда первого декабря с вещами.

— Нет-нет, — быстро сказал санитар, — идите в клинику, третий этаж, спросите Королева Андрея Владимировича.

— Зачем? — недоумевала я.

Парень суетливо ответил:

— Мы люди маленькие, нам велят, мы делаем. Приказано родственников Железновой отправить к главврачу.

В полном изумлении я спросила:

— И вещи ему нести?

— Конечно!

— А гроб?

— Вы и гробик привезли?

— Естественно, — обозлилась я, — да что тут за порядки такие? Вы покойников родственникам в мешках отдаете? Ясное дело, должны одеть и уложить в домовину. Между прочим, я заплатила вашим коллегам по полной программе, и если они с вами не поделились, то это не мое дело. Впрочем...

Я вытащила из кошелька зеленую купюру.

— Возьмите и сделайте все нормально.

Но санитар удивил меня окончательно, он энергично замахал руками:

— Не надо, идите к Королеву, а гроб пусть пока в машине постоит, вы ведь его на катафалке привезли?

— Нет, — вышла я из себя, — под мышкой притащила. Поглупее что-нибудь спроси, а?

— Вы только не волнуйтесь, — заботливо прокудахтал парень.

Совсем дезориентированная, я вошла в основное здание, поднялась на третий этаж, распахнула дверь с табличкой «Главврач» и наткнулась на секретаршу самого противного, неприступного вида.

— Вам кого? — отчеканила дама, буравя меня ржаво-коричневыми, как крышка канализационного люка, глазами.

— Андрея Владимировича.

— Он знает, по какому вопросу?

— Меня послали из морга, я родственница Полины Железновой, сегодня...

— Ой, — сказал «цепной пес», изобразив на лице неумелую улыбку, — конечно, ждем вас, входите, входите, только не волнуйтесь. У вас сердце здоровое? Сейчас валокординчика накапаю.

Чувствуя, как едет крыша, я вошла в кабинет.

— Меня попросили в морге...

— Вы мать Железновой? — выскочил из-за стола полноватый мужик.

— Нет, — ответила я и, решив не пускаться в долгие объяснения, продолжала: — Я тетя.

— Садитесь, садитесь, — суетился главврач, — может, коньячку?

— Спасибо, слишком рано.

— Тогда валокординчику, — и он сунул мне под нос стаканчик с остропахнувшей жидкостью.

— Что случилось? — спросила я, машинально глотая лекарство.

— Да тут, так, однако, ерунда, одним словом, — замямлил Андрей Владимирович, — сколько работаю, не происходило такого... Просто черт знает что вышло, но мы не виноваты, хотя, если вы подадите в суд, пойму вас по-человечески, это же просто дрянь какая-то вышла!

Страшное подозрение закралось в мозг.

— Где тело Полины?

— Э, э, — занудил Королев, — э, в этом все дело, тела как такового нет!

— Как нет? — прошептала я. — Куда же оно делось?

— Ушло, — брякнул Андрей Владимирович.

По его виду было понятно, что разговор дается мужику нелегко. Лицо главврача покраснело, шея тоже, а лоб вспотел. Андрей Владимирович вытащил из кармана пиджака безукоризненно отглаженный платок и начал промокать испарину.

— Вы хотите сказать, что тело Поли разбирали на органы? — пробормотала я, чувствуя легкое головокружение.

— Я хочу сказать, что Полина жива, — резко выпалил Королев, — совершенно жива и, на наш взгляд, здорова, находится сейчас в 305-й палате.

Секунду я смотрела на потного врача, потом хотела встать, но ноги подкосились, и я рухнула на пол.

ГЛАВА 2

— Очень вы грубо, Андрей Владимирович, — проник в мое сознание высокий женский голос.

— Старался как мог, — бубнил мужской.

Я распахнула глаза и увидела две фигуры: одну в костюме, другую в белом халате.

— Вам лучше? — спросила дама и поднесла мне под нос вонючую вату.

— Не надо, у меня аллергия на нашатырь.

Вата исчезла.

— Что с Полей?

— Она жива, в 305-й палате лежит.

— Но как же так... Ведь сообщили о ее смерти, позавчера...

— Да, — закивал Королев, — ее и впрямь посчитали умершей, спустили в морг, а она в себя пришла, напугала санитаря до жути. Встала и вышла в коридор, наш парень чуть не умер.

На меня накатила дикая злоба.

— Мне ни на минуту не жаль вашего санитаря! У вас в клинике что, нет необходимой аппаратуры? Вы каким образом определяете смерть? А если бы мы отвезли ее живую в крематорий?

В полном негодовании я вскочила на ноги:

— Где Поля?

— В 305-й палате, — повторила женщина, — в лучшую положили, абсолютно бесплатно...

— Я ее немедленно забираю...

— Но за ней требуется уход...

— Не беспокойтесь, отвезу ее в платную клинику.

— Но мы для вас все сделали абсолютно даром, — лебезил доктор.

— Спасибо, не надо.

— Но...

— Отвяжитесь, — рывкнула я, — и отведите меня в палату, урод кретинский!

Андрей Владимирович молча пошел по коридору. Главврач не обманул, палата и впрямь оказалась просторной. На кровати полусидела Поля. Увидев меня, она сначала разрыдалась, потом спросила:

— Маме сказала?

— Нет, она уехала отдыхать.

— Слава богу, — всхлипывала Поля, — вот был бы ужас.

— Зато сейчас какая радость! — некстати влез главврач.

— Сделай милость, — попросила я его, — исчезни, а?

Королев мигом испарился. Я плюхнула на кровать чемоданчик, открыла крышку и приказала:

— Быстро одевайся, и уедем отсюда. Сначала к нам в Ложкино, а затем в другую клинику, где пройдешь полное обследование. Что у тебя болит?

— Ничего, — пожала плечами Поля, — только голова слегка кружится.

Меня тоже подташнивало, поэтому, вытряхнув шмотки, я велела:

— Ну, действуй, и бежим отсюда.

Поля покорно влезла в платье, колготки и усталилась на туфли.

— Эти откуда? У меня никогда таких не было!

Я вздохнула. Черные лодочки без каблука, напоминающие балетки, я купила в похоронной конторе. Сотрудник агентства, где я заказывала гроб, посоветовал:

— Возьмите у нас специальную обувь, а то обычные ботинки могут не влезть на ногу, она у покойных распухает.

— Надевай, не бойся.

— Странные какие, — произнесла Поля, — подметка словно из картона.

Я опять вздохнула, она и есть из прессованной

бумаги, никто же не предполагал, что труп пойдет к катафалку на собственных ногах!

— Ничего, дошлепаешь до выхода, а там прямо в машину.

— А где пальто?

— Извини, не прихватила.

— Почему? — возмутилась Поля. — Зима же, холодно.

— Вообще-то я собиралась тебя хоронить, — развеселилась я, — а в гроб несподручно в пальтишке укладывать.

Поля захохотала. В палату всунулся главврач:

— За документиками зайдите.

— Какими?

— Ну, выписка...

— Вы там написали фразу «после того как тело ожило, оно было отправлено в палату»? — ехидно поинтересовалась я.

— Нет, — растерялся Королев.

— Тогда нам ваша филькина грамота не нужна!

Первые, кого я увидела, спустившись вниз, были Аркадий, Зайка и Маня, одетые во все черное. О, черт! Я совсем забыла, что договорилась о встрече с ними в ритуальном зале. Я должна была приехать раньше, отдать вещи и ждать домашних.

— Это безобразие! — выкрикнула Зайка.

— Ну, мать, — качал головой Аркадий, — я знал, что ты безответственная, но чтобы до такой степени! Автобус ждет, куда гроб нести? И почему ты тут, а не в морге?

— Да, почему? — повторила за мужем Ольга.

— Мусечка, тебе плохо? — спросила Маня. — Хочешь валокординчику?

— У меня сюрприз, — весело сообщила я.

— Какой? — изумился Кеша.

— Здоровский. Встретила тут одну особу, думаю, вам будет страшно приятно ее увидеть!

— Дарья, — ледяным голосом заявила Зайка, — немедленно прекрати, у нас горе, похороны Полины, а ты...

— Ну погребение можно и отложить, — хихикнула я, соображая, как бы поделикатней сообщить домашним новость.

— Отложить? — протянул Аркаша и повернулся к Мане: — Ну, сестрица, это, похоже, по твоей части.

Маняша у нас собирается стать ветеринаром, и родственники иногда доверяют ей бинтовать свои порезанные пальцы.

— Ну, — продолжал Кеша, — что с ней? Реактивный психоз?

— Не знаю, — растерянно пробормотала Маня, — мы еще этого в кружке не проходили.

— Зачем мы вообще за тебя деньги платим, — обозлился брат, — что ты там учишь?

— Сейчас изучали кожных паразитов, блох всяких, власоедов, клещей, — принялась старательно перечислять Маруся, — и потом, я же еще не студентка, только в кружок при Ветеринарной академии хожу.

— Блохи, даже если они у нее есть, тут ни при чем, — парировала Зайка и повернулась ко мне: — Ты головой не ударилась?

Но мне надоела идиотская ситуация, и я крикнула:

— Поля, давай, выходи.

Полина выскользнула из-за колонны. Дети разинули рты и разом выронили на пол мобильные телефоны. Первой опомнилась Маня:

— Это кто?

— Я, — спокойно ответила Поля.

— Живая? — глупо спросил Кеша.

— Нет, надувная, — фыркнула девушка и вытянула вперед руку. — Хочешь, пощупай.

— Даша! — завопила Зайка. — Ты с ума сошла,

придумала шутку! Ничего себе! Похороны, гроб, поминки!

— Мусечка, — подпрыгивала Маня, — ты решила нас разыграть? Ну супер! А Оксана-то с Деником на кладбище приедут! Во приколы! И Костя там!

Костя, жених Поли, отчего-то не захотел ехать в морг...

— Мать, — завелся Аркадий, синяя от злости, — я даже от тебя подобного не ждал! Дегтярев специально отпросился и поехал за венком! Да вот он!

Я хотела было сказать, что сама только-только узнала новость, но язык прилип к гортани, потому что сквозь стеклянные двери протиснулся наш лучший друг полковник Дегтярев с роскошным венком в руках.

— Я думал, в морге встреча, — пробормотал Александр Михайлович, — почему вы в холле стоите?

Мы молчали. Полковник глянул на нас, увидел Полю, секунду смотрел на нее, потом выронил оружие из роз и сказал:

— ...!!!

Поля преспокойно подняла венок из живых цветов, расправила красную шелковую ленту и с чувством прочитала:

— Любимой Полине от безутешного друга.

Потом она повернулась к Дегтяреву и хмыкнула:

— Ну, дядя Саша, прямо слезу вышиб. Между прочим, еще недавно ты говорил, что я невероятная балбеска и меня следует драть, как сидорову козу.

— Кто-нибудь объяснит, что тут происходит? — взвыл полковник, плюхаясь на колченогий стул.

— Мусечка нас разыграла, — подпрыгивала Машка. — Во приколы, даже круче пукательной подушки... Ну клево! Думали, Полька умерла, так переживали, плакали, а она живехонька...

— Разыграла? — протянул Александр Михайлович, вытаскивая сигареты. — Разыграла?